Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Зверство

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк
Зверство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22137097

Аннотация

«Горячий летний день. Река точно застыла. Изнемогающие от зноя собаки напрасно ищут спасительной тени по разным заугольям. Красиво дремлет на крутом берегу кучка домиков, спрятавшихся на вековом бору. У самой воды вытянулось деревянное здание, где чающие исцеления пьют железную воду и принимают ванны. Это провинциальные «минерашки», забравшиеся на сибирскую сторону Урала. Местное название – Курьи. Публика уже привыкла к ним и охотно их посещает, особенно благодаря удобствам, которые доставляет Уральская железная дорога, – по ней до вод рукой подать. Скептики клятвенно уверяют, что курьинская вода не содержит ни одного атома железа, а верующие доказывают, что вода прекрасно действует…»

Содержание

I 4
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Дмитрий Мамин-Сибиряк
Зверство
Летние эскизы

I

Горячий летний день. Река точно застыла. Изнемогающие от зноя собаки напрасно ищут спасительной тени по разным заугольям. Красиво дремлет на крутом берегу кучка домиков, спрятавшихся на вековом бору. У самой воды вытянулось деревянное здание, где чающие исцеления пьют железную воду и принимают ванны. Это провинциальные «минерашки», забравшиеся на сибирскую сторону Урала. Местное название – Курьи. Публика уже привыкла к ним и охотно их посещает, особенно благодаря удобствам, которые доставляет Уральская железная дорога, – по ней до вод рукой подать. Скептики клятвенно уверяют, что курьинская вода не содержит ни одного атома железа, а верующие доказывают, что вода прекрасно действует. Мы знаем только то, что Курьи очень многим помогли, что они доступны самым небогатым людям и что наконец несколько деревень живут недурно благодаря «наезжающим господам». В зной публика прячется по квартирам или бродит по парку, и только самые неуго-

монные и точные курсовые дамы торопливо пробираются к ванным. Мне не помогут никакие воды, но я верю в животворящую силу солнца и по целым часам брожу на припеке. Солнце – все, оно податель жизни, главный двигатель, и есть основание подозревать, что оно же и починивает многое, что мы, по свойственному одному человеку безрассудству, так последовательно и упорно расстраиваем. Но наше северное солнце скупое, и приходится дорожить каждым солнечным днем. Итак, я иду по самому открытому месту; зной так и пышет. Сделав определенный круг по крутому угору, спускаюсь к реке и по пыльной дороге иду к парку, где так хорошо отдохнуть сейчас.

Территория собственно вод отделена от крестьянской земли деревянной изгородью. У главного въезда воротником стоит слепой парень, который молча кланяется каждому прохожему. На водах парень уже свой человек. Мне нравится в нем известное спокойствие: он не пристает к прохожим, не канючит и принимает милостыню, как должное. Приезжих в лето набирается несколько сот, и если каждый подаст всего один пятачок, то получится изрядная сумма. Слепой парень, видимо, спокоен за свое существование, тем более, что у него в руках призрак некоторой должности – он затворяет ворота, чтобы не пускать в парк жадную деревенскую скотину. Нужно видеть тревогу этого слепого лица, когда со стороны деревни послышится торопливый топот бойких овечьих ног. Овца не корова, так и норовит прорваться через запо-

ведную грань, и слепой ужасно волнуется, когда почувствует приближение вороватой твари. Не стало ей, подлой, травы в поле, так нет, давай пролезу еще в парк… Я иногда разговариваю с слепым человеком, который узнает меня по шагам.

– Да ведь много ходит людей мимо, как же ты узнаешь? – спрашиваю я.

– Приобык, а потом в жару ты один ходишь… Я вот тоже на солнышке-то люблю… во как жарит!..

В описываемый день я еще издали увидел своего знакомца слепого в большой ажитации. Он размахивал руками и громко ругался с каким-те мужиком, который понуро сидел у самых ворот.

– Уйди от греха! – кричал парень и пробовал стащить за руку упрямого мужика. – Мое место… Ишь, выискался тоже, ловчак… Проваливай, говорят…

– А ты не тронь… – как-то равнодушно отвечал мужик, продолжая сидеть. – Жаль тебе места-то, ироду?

– Уйди от греха… Тебе говорят…

Единственной свидетельницей этой сцены была босоногая и белоголовая крестьянская девочка лет семи, которая стояла посреди дороги и с детским любопытством ждала, что будет дальше. Мои шаги заставили воевавшего слепца утихнуть, – нехорошо при постороннем-то барине ругаться. Когда я подошел совсем близко, дело разъяснилось: сидевший мужик также был слепой, следовательно, являлся конкурентом нашему курсовому слепцу. Это была профессиональная

ненависть, как бывают профессиональные пороки и добродетели и даже профессиональная честь…

– В чем дело? – спросил я, останавливаясь.

– Гонит, – коротко ответил слепец-чужак. – И что я ему помешал? Слава богу, обоим места хватит и еще даже от нас останется…

– Да ведь я тут который год? – заспорил курсовой. – Я при должности состою… Обыщи себе свое место и сиди. Небось, я не полезу к тебе…

Курсовой слепой отемнел еще в детстве, может быть, он и родился «темным», так что его еще молодое лицо приняло типичный отпечаток неподвижности. Слепец-чужак являлся уже калекой: все лицо у него было обезображено, а вместо глаз оставались какие-то дыры. Но по подвижности этого обезображенного лица можно было предположить, что он таким сделался сравнительно недавно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.